Ларокопий-царевич

Жил-был царь. У него было два сына да дочь. Стал царь помирать, жене наказывает, что «отдай (дочь) не за простых (женихов), а за богатырей». — Царь помер; дети его схоронили и поминочки отвели.

Не через долгое время приезжает Ворон Ворonéвич к нему. Говорит царевне, что «отдай ты (дочь) за меня, за богатыря!» — То она отдала свою дочь за этого богатыря. То увёз он ее в свое место.

Стал проситься после этого Василий-царевич к своему зятю в гости. Мать ему говорила, что «милый сын, ехать хорошо, а не ехать лучше того, чтобы тебя зять не убил!» — Не послушал Василий-царевич, сел на коня и поехал.

Ехал он не путей, не дорогой — чаща́ми, трещобами, Уралом. Видит: конный табун, сто голов, пасется. Спросил он пастуха: «Чей это табун?» — Сказали пастухи: «Это табун Ворона Ворonéвича Семигороде́вича: он в семи городах побывал, семь богаты́рей убил».

Поехал он вперед. Видит: табун двести голов пасется коровьего. Спросил Василий-царевич: «Чей это табун пасется?» — «Ворона Вороневича». — Отправлялся опять вперед. Увидал: овечий табун пасется, триста голов. — «Чей это табун пасется?» — «Ворона Вороневича!»

Подъезжает к дому; сестра его встречала со слезами. Привязал коня он к столбу, сам зашел в его палаты. Не через долгое время летит Ворон Вороневич, увидал: у его столба стоит конь привязан. То заходит в палаты, жене своей и говорит: «Станови самовар, тащи нам чигунных орехов!» — Очень скоро самовар поспешился, начали чаёк попивать, орешки поедать. — «Кушай, Василий-царевич, мои орешки!» — сказал Ворон Вороневич: Василий-царевич не мог один раскусить, а он сам покусывает — только огонь летит. После чаю вышли с ним за дворец на луга. — «На-ка, Васшшй-царевич, мою боёву палицу, кинь ее кверху: я погляжу, как она полетит?» Взял боёву палицу Василий-царевич, мало-мало, кое-как выше себя только её бросил, Ворон Вороневич взял боёву палицу, фырну́л ее кверху — насилу боёву палицу дождался, когда прилетела! Как ударил, расшиб Василия-царевича на мелки дребезги. Тогда столб этот выворотил, его закопал и столб поставил на ста́ро место. (Вот тебе и шурин!)

Тогда родительница ждала его цельный месяц — не может дождаться. Тогда просился у ней малый сын, Иван-царевич. Со слезами мать его уговаривала: «Не езди, непременно и тебя убьет! С кем я буду жить?!» — Иван-царевич на нее не посмотрел, поймал себе коня, поехал. Ехал не путей, не дорогами — чащами, трещобами, Уралом. Нашакался на конный табун. «Чей это табун пасется?» — «Ворона Вороневича». — Продолжает путь; увидел: двести голов пасется коровьего. «Чей это табун пасется?» — «Ворона Вороневича». — Продолжает путь, увидел: триста голов овец.—«Чей это табун пасется?» — «Ворона Вороневича». — Подъезжает к его дому. Сестра выходит, встречает Ивана-царевича со слезами. — «Напрасно, родной братец, приехал! Однако тебе живому тоже не быть!» — Привязал он к медному столбу коня, зашел в его палаты.

Не через много время летит Ворон Вороневич, ударился об порат и сделался молодцóм; приходит в свой дом, приказал своей жене становить самовар и притащить чигунных орехов на угощенье. То Ворон Вороневич орехи пощелкивает — только огонь летит, а Иван-царевич не мог и одного раскусить. То после этого вышли с ним в луга, в разгулку. — «На-ка, Иван-царевич, кинь мою боёву палицу кверху! Как она полетит?» — То Иван-царевич хотя и кинул, да не очень высоко. Ворон Вороневич кинул — насилу дождался; тогда берет в руки, полыснул его — раздробил всего на мелкие части; столб выворотил, под столб закопал и столб на старо место поставил.

Родился у царевны сын; дали ему имя Ларокопьем-царевичем. (Был он ещё от отца заведённый: она брюхатая оставалася.) И он как родился, начал ходить. Сын сказал: «Мати, просила ты со слезами брата моего, Ивана-царевича. Куды они уехали? Скажи мне!» — Мать отвечала: «Не скажу я тебе, Ларокопий-царевич: ты еще млад и зелен!» — То он пóжил месяца три, спрашивает у матери, что «скажи моих братьев — куды они уехали?» — Мать на то сказала: «Мои дети уехали: выдана у меня дочь за Ворона Вороневича Семигородевича... Не езди, милый сын, они непременно кончены, и тебя кончить. — «Нет, родима мамонька, поеду я, братьев разыщу».

То сказал своей родительнице: «Благословишь — поеду и не благословишь — поеду!» — Пошел он в конюшни, разыскал себе старинного богатырского коня у отца. Пошел он в подвал, разыскал богатырскую уздечку и сёдлышко и взял себе боёву палицу óсто пудов. (Трехмесячный.) Приходит к коню, надевает на него узду, кладет потнички и богатырское седло. Подтягает 12 подпруг шелковых — не для красоты, а для крепости богатырской. Бил коня

по бедра́м; конь его рассержается, по сырой земле расстилается, мелкие леса промеж ног пущал, а болота перескакивал (бежал-радовался: долго стоял в конюшне, настоялся).

Подгонял он к конному табуну. — «Господа пастухи, чей этот табун пасется?» — «Ворона Вороневича». — «Вы не сказывайте, что — Ворона Вороневича, а скажите, что Ларокопья-царевича; за это вам будет награда!» Распростился с пастухом, отправился вперед Ларокопий. Подъезжает к коровьему табуну. — «Чей этот табун пасется?» — «Ворона Вороневича». — «Вы не сказывайте, что Ворона Вороневича, а скажите, что Ларокопья-царевича; за это вам будет награда». — Распростился, отправился вперед. Подъезжает к третьему табуну, к овечьему. — «Чей это табун пасется?» — «Ворона Вороневича». — «Вы не сказывайте, что Ворона Вороневича, а скажите, что Ларокопья-царевича; за это вам будет награда!»

Приезжает к его (Ворона Вороневича) палатам. Сестра не признала его, что брат (она его вовсе не знает).— «Куды ты, молоде́ц удалой, поехал?» — «Я, — говорит, — брат тебе, Ларокопий-царевич; когда ты была выдана, я был еще в утробе у твоей родительницы. Поехал я своих братьев разыскивать и с тобой повидаться!» — Сказала сестра Марфа-царевна: «Напрасно, Ларокопий-царевич, явился: однако все равно тебе живому не быть скоро!» — «Поглядим, кто живой будет!» — Привязал своего коня к серебряному столбу, сам зашел в его палаты.

Не черезо много время прибыл Ворон Вороневич домой. Увидел коня богатырского у своего столба серебряного, скоро являлся в свои палаты. Поздоровался с Ларокопьем-царевичем, жене приказал самовар поскорее сгоношишь и орехов тащить — чигунных. То Ворон Вороневич раскусит орех, а Ларокопий-царевич пять да шесть. Ворон Вороневич тому делу сдивился: как он пощелкивает! Вышли они с ним в луга; Ворон Вороневич говорит: «Ну-ка, Ларокопий-царевич, брось свою боёву палицу: я посмотрю!» — Ларокопий-царевич фы́рнул свою боёву палицу в высоту и не может дождаться, когда явится назад. Тогда дождал свою боёву палицу, тогда он хватил Ворона Вороневича и расшиб его на мелки дребезги сразу. (Рассердился!)

Тогда он выхватил серебряный столб, под столб его закопал и столб поставил на свое место. А сестру спрашивал: «Где положены мои братья?» — Тогда сестра ему сказала: «Один под простым столбом, а другой под чигунным!» — Тогда он столбы выдергивал и братьев доставал; сестре приказал их размыть — как одним словом, — а сам отправился за живой

водой.

Ехал он близко ли, далёко ли, низко ли, высоко ли, подъезжает к такой избушке: повертывается избушка на куричьей голяшке. «Избушка, стань по-старому, как мать поставила!» — Избушка стала. Ларокопий-царевич зашел в эту избушку. Яга-баба уперла́ головой в стену, а ногами в другую: «Фу-фу! Русского духу отро́ду не видала, русский дух ко мне пришел, роду не простого!» — «С тобой, Яга-баба, разговаривать много не буду! Давай мне живой воды! Ежели не дашь, я тебя кончу!» — То она сказала: «Поди, Ларокопий-царевич, вот здесь колодец, в этом колодце живая вода». — Тогда он ее взял за́ косы, повел с собой: «Если ложно покажешь, тогда я тебя тут же убью!»

То он поймал голубя, разорвал этого голубя, оросил его в колодец: голубь исцелился скоро, сделался жив. Тогда он поверил, что живая вода. Тогда он приходит в комнату, взял такой у ней бурак, почерпнул этой воды, понес в бураке.

Приезжает к Ворону Вороневичу к дому, слезает с коня; тогда открывает бурак, набирает в свой рот воды и стал фы́рскать большака брата, Василья-царевича. Он воскрес — стал. Так же и середнего стал (фырскать), набрал воды в свой рот. Воскрес и тот. То он назвался: «Здравствуйте, мои братья! Вы братья мои единоутробные; когда вы уезжали, я еще был у родительницы в утробе. Мое имя Ларокопий-царевич». — То они все табуны пригоняли к дому, имущество и деньги забрали, а дом зажгли и табуны домой погнали.

То приезжают все три брата, привозят с собой сестру и скота много. Мать встретила со слезами: «Спасибо, милый сын Ларокопий-царевич, всех ты воротил моих детей!» — Сказал Ларокопий-царевич: «Кабы если я не поехал, то бы им вечно не прибыть домой!» — Сказали братья: «Слушаться будем, родительница, Ларокопья-царевича на место большака: что он нам скажет, будем мы исправлять!»

(Зап. Зелениным от А. Д. Ломтева)

Великорусские сказки Пермской губернии. Сборник Д. К. Зеленина. Москва. Изд. "Правда", 1991.

Читайте также русскую сказку "Покатигорошек".